

Было что-то невероятно успокаивающее в том, чтобы наблюдать, как сгорбленная фигура Ремуса Люпина входит в комнату с таким же озадаченным взглядом, каким я и большая часть класса одарили его. Для некоторых это явно было шагом вниз по сравнению с легендарным щеголеватым волшебником, несмотря на то, что они знали, что он был своего рода мошенником. Я же надеялся, что такое своеобразное наказание пойдет на пользу Локхарту. Он сможет вырасти из-за этого как личность. А может, и нет, и он кончит тем, что умрет в канаве, как только какие-нибудь очень злые волшебники, которым он стер память придут за своим фунтом плоти.

Это было не в моей власти. Как и присутствие оборотня на этом уроке. Я подумал, что Гарри был бы рад познакомиться с другом своих родителей так рано. Ну, это было бы так, если бы Ремус Люпин действительно заговорил об этом.

"Доброе утро, класс", - сказал он так дружелюбно, как только мог. "Меня зовут Ремус Люпин, и я буду вашим учителем по защите от Темных Искусств в следующем семестре", - он неловко кашлянул. "Я буду следовать учебному плану профессора Локхарта, потому что, к сожалению, заказать новые книги можно будет только в начале следующего года".

Я тихо поднял руку. "Да, мистер...?"

"Умбрус", - сказал я. "Профессор, поскольку Локхарт был изгнан как мошенник, не могли бы мы, возможно, разработать надлежащую учебную программу и полностью игнорировать девяносто процентов фантастической чуши, которую он написал в своих книгах? Даже придуманные нами заклинания имеют больше шансов сработать, чем половина заклинаний, о которых говорил Гилдерой".

Глаза Ремуса слегка расширились. "Ах, да, я понимаю", - он взглянул на собравшийся класс. "И все же, неужели весь класс с этим согласен?"

"Конечно", - вставила Аманда. "Он разбил сердце нашим девушкам, он мошенник!" - сердито согласились с Амандой несколько девушек. Пара слизеринских девушек так же легко согласились с этим. Одна даже плакала, срывая лицо Гилдероя с обложки его книги, всхлипывая в отчаянии.

"Без разницы", - пробормотала пара слизеринских мальчиков. Хотя другие выглядели по сути довольными тем, что избавились от этого человека.

"Ну что ж, - сказал Ремус, - давайте начнем с заклинания "Риктусемпра", щекочущего заклинания, предназначенного для того, чтобы рассмешить цель. Мы должны очистить воздух от печали хорошим смехом, разве вы все не согласны с этим?" - он улыбнулся, и некоторые действительно улыбнулись в ответ. У него было бы больше шансов вызвать теплые чувства у Пуффендуйцев и Гриффиндорцев, чем на занятиях со Слизерином и Когтевраном, но мы не были бессердечными монстрами, и в присутствии Воронов Змеи вели себя на удивление смирно большую часть времени.

В конце концов, наш интеллект позволял перехитрить даже их. По крайней мере, в теории это было так.

"Я думаю, что трудно бросить заклинание в друга, даже если это такое простое заклинание", - сказал профессор Люпин, когда понял, что я даже не пытался произнести заклинание. Я хихикал и хихикал, но я даже ни разу не попытался запустить Аманду рассматриваемым заклинанием. "Но практика действительно нужна, мистер Умбрус, и нет ничего плохого в хорошем смехе".

"Профессор", - мне удалось прохрипеть сквозь смех, "Это просто...ахахаха...это лучший день в моей жизни", - я засмеялся еще громче, хихикая и качая головой.

"Ну, если это так, я оставлю вас посмеяться еще немного, мистер Умбрус", - заметил профессор Люпин, прежде чем перейти к другой паре студентов, громко смеющихся по очереди. Таким образом, после урока смеха я вернулся в мир непредвиденной боли и страданий.

Профессор Флитвик сказал, что я все-таки получу наказание за то, что подверг себя опасности выйдя против василиска, и полугоблин сдержал свое слово, поскольку слово гоблина, по видимому, было довольно весомой вещью.

"Так ты собираешься стать профессором по уходу за волшебными существами в следующем году, Хагрид?" - сказал я, притворяясь удивленным и обрадованным, когда полугигант сказал это широко улыбаясь.

"Да, старина Кеттлберн собирается на пенсию, у него осталось мало конечностей, и он хочет, чтобы все они были с ним в могиле, будет прощальная вечеринка, и я хотел подарить ему что-то особенное", - когда он это сказал, я почувствовал, как страх поднимается от низа живота к горлу. Мы направлялись вглубь Запретного Леса, и в уме я уже планировал, сколько огня мне нужно будет вызвать, чтобы заставить деревья превратиться в спички, и как сильно мне нужно было ненавидеть что-то, чтобы наложить на это Смертельное Проклятие.

Не судите меня, магия часто базируется на эмоциях, а я просто ясно говорю, что не хочу умирать нигде, кроме как в своей постели от старости в объятиях сотни Вейл, или в любом другом месте, где не было гигантских пауков-людоедов и ужасных существ, которые сначала пожирают ваши внутренности, а остальное ваше тело растягивают на целый месяц.

"И что это за особенный подарок, который ты собираешься ему подарить" - прошептал я.

"Ты должен пообещать, что никому не расскажешь", - сказал Хагрид, - "Это может испортить ему сюрприз".

"Я обещаю", - сказал я, положив руку на сердце. Если бы это касалось гигантских пауков, то я бы молчать не стал. Я бы сказал местным истребителям. Я бы сказал волшебникам-убийцам. Я бы сказал тысяче авроров и двум тысячам бомбардировщиков с напалмом. Кстати, о напалме... Я мог бы его сделать.

Я моргнул от внезапного осознания. Я мог бы сделать напалм. У меня был к нему доступ. Я мог бы это сделать. Я мог бы сжечь лес дотла и посмеяться над его пеплом. Это было легко. Сделать напалм было так невероятно легко, как я раньше этого не понимал?

Лес будет гореть. Я заставлю его сгореть. Я уничтожу его так основательно, что...

"И вот почему ты должен подождать здесь некоторое время",-сказал Хагрид, замолкая. "Я оставляю Клыка с тобой", - он отдал мне собаку, которая, казалось, не была в восторге от этой идеи. "Это потому, что они легко пугаются, если со мной кто-то другой, так что ты просто оставайся здесь и жди моего возвращения".

Я молча кивнул, а затем посмотрел, как полувеликан уходит еще глубже в лес. Я посмотрела на Клыка, который, в свою очередь, посмотрел на меня. Мы оба одновременно жалобно заскулили.

Мы хотели выбраться живыми из этого похода в лес. Мы оба хотели, чтобы нас оставили в

сувенирном магазине перед американскими горками, а не навязывали это.

Ветка дернулась справа от нас, и мы с Клыком совершили доблестный поступок. Пес спрятал морду под кустами, и я повернул палочку в направлении шума. Большое существо посмотрело на меня сверху вниз. Большое существо в набедренной повязке с половиной ствола дерева в качестве дубины уставилось на меня. Это был тролль. Хагрид оставил меня в лесу с чертовым троллем.

Я направил на него палочку и оскалил зубы. "Ты рядом, моя твоя убивать".

Тролль показал свои сломанные, полусгнившие зубы.

Я взмахнул палочкой, и на ее кончике образовалась потрескивающая молния. Тролль остановился. Он посмотрел на меня, и я снова показал ему зубы. "Ты рядом. Моя убивать".

Он сделал еще один шаг.

Молния пробила грудную клетку существа, от удара существо растянулось на спине и осталось там, широко раскрыв глаза, как и его рот.

Тем временем Клык самым мужественным образом решил бежать в совершенно другом направлении.

Я не скулил. Нытье было бы контрпродуктивным.

Я отвел проклятого пса назад, а затем привязал его к ближайшему дереву. Я использовал магию, чтобы сделать в земле яму, достаточно большую, чтобы сбросить его тело, и спрятать его там. Таким образом, все стало прекрасно и шикарно.

"Лучше поспешим обратно, я слышал гром, так что может начаться дождь", - Хагрид вернулся через несколько минут, счастливо держа в руках яйцо, покрытое паутиной.

Я понял, что Хагрид собирается подарить бедному профессору Кеттлберну яйцо Акромантула.

Но это была уже не моя проблема...

...мои мысли были связаны с тем, что мы уйдем отсюда живыми и это было прекрасно.

<http://tl.rulate.ru/book/59653/1718578>